

УДК 328.185

КОРРУПЦИЯ КАК ИНСТИТУТ КОММУНИКАЦИИ В МОДЕЛИ ПРИНЦИПАЛ-АГЕНТ*Н. К. Дятлова, Я. А. Цадер***CORRUPTION AS AN INSTITUTE OF COMMUNICATION IN THE 'PRINCIPAL – AGENT' MODEL***N. K. Dyatlova, Ya. A. Tsader*

В терминах принципал-агентской модели коррупция может быть определена как нарушение агентом заключенного с принципалом контракта (формального или неформального) и использование предоставленных ресурсов для решения целей, отличных от поставленных принципалом (наиболее часто в целях личного обогащения). С точки зрения такого подхода, конституционные правила любого государства есть условия контракта. В статье рассматривается процесс институализации коррупции как форма оппортунистического поведения участников агентских взаимоотношений. Теоретические выводы подтверждаются использованной экспериментальной базой – анализом полученных результатов социологического опроса студентов, изучающих учебную дисциплину «Коррупция: причины, следствия, противодействие». Авторы приходят к выводу о том, что в различных экономических системах коррупция выполняет роль коммуникативного инструмента, восполняя возникающие институциональные провалы.

In terms of the 'principal-agent model' corruption can be defined as violation of the contract (formal or informal) between the agent and the principal. The resources provided by the principal are then used by the agent for their private needs. From this perspective constitutional rights can be viewed as a universal contraction policy. The paper studies the process of corruption institutionalization as a form of opportunistic behavior in agency relations. The conclusions are based on the experimental data of a recent survey conducted among the students studying the course on "Corruption: causes, consequences, counteraction". According to the author's position, corruption plays a role of a communication tool, fulfilling the existing institutional failures.

Ключевые слова: коррупция, институт, институциональная экономика, модель принципал-агент, агентские отношения, управление поведением агента, контракт, коммуникация.

Keywords: corruption, institution, institutional economics, 'principal-agent' model, contract, communication, agency relations.

Коррупция представляет собой наиболее сложный для устранения вид разрушения институциональной среды общества, что требует применения адекватных его природе и масштабам распространения методов борьбы и противодействия.

Поддержим типологизацию коррупционных явлений, предлагаемую С. Барсуковой:

а) неформальные платежи в отношениях власти и бизнеса («деловая» коррупция);

б) межфирменные подкупы работников коммерческих фирм («корпоративная» коррупция);

в) подарки и подношения населения обслуживающим инстанциям («бытовая» коррупция);

г) отстаивание интересов бизнеса через теневое финансирование партийных боссов («партийная» коррупция) [1].

Как видно из элементарного перечисления сфер распространения, мы имеем дело с институциональным характером исследуемого феномена, когда неформальные контракты в социуме доминируют над формальными. Соответственно имеет место широкое распространение девиантных, оппортунистических моделей поведения. Такие модели поведения воспроизводят систему коммуникации всех агентов в обществе [9 – 11]. Учитывая распространение коррупционных практик в гибридных экономических и политических моделях, можно предположить, что их укоренение определяет коммуникативное своеобразие взаимодействия, общения и взаимоотношений представителей различных социальных общностей и групп.

Агентские отношения – одна из универсальных и самых распространенных разновидностей социально-экономических коммуникаций. В институциональной экономике эти отношения рассматривают через призму модели «принципал – агент», где под принципалом понимают владельца неких ресурсов. В данной связке агент – доверенное лицо (управляющий), которое выбрано принципалом для выполнения поставленных им задач. Отношения между выделенными носителями ролей возникают постольку, поскольку принципал объективно не способен лично реализовывать все свои цели и манипулировать собственными ресурсами. Объем задач, количество и многофункциональность ресурсов, которыми располагает принципал, таковы, что он вынужден диверсифицировать действия, что и осуществляется с помощью раздачи агентам задач и ресурсов. Кроме того, решение задач и оперирование ресурсами требуют специальных знаний и квалификации. Принципал не может быть универсальным специалистом, и поэтому привлекает агентов, полагая, что каждый из них может быть лучшим, чем он, специалистом в решении той конкретной задачи, которую ставит перед ним принципал. Логичным в указанной системе предполагается возникновение контрактных коммуникаций.

Однако, отчуждая в рамках контрактных отношений отдельные потенциальные ресурсы, передаваемые агентам, принципал создает для себя некоторые проблемы. В частности, возникают агентские издержки принципала – это передача от принципала к агенту некоторых ресурсов, которые тратятся на решение

задачи и были бы потрачены все равно и в том случае, если бы принципал сам решал задачу и сам тратил на это выделенные средства. Принципал направляет часть своих резервов также на оплату услуг агента. Перечисленные направления затрат – это производственные издержки, если под производством (в исследуемом контексте) понимать процесс решения задачи.

Но принципал должен осуществлять и другие траты. Прежде всего, затраты на контроль за действиями агента. Второе направление перманентных затрат – остаточные потери принципала. Это потери, которые могут возникнуть из-за неэффективности решений агента. Не рассматривая указанную характеристику во всем многообразии аспектов, подчеркнем, что остаточные потери принципала во многом обусловлены оппортунистическим поведением агента.

С точки зрения неоклассического подхода коррупционные отношения следует рассматривать как выбор рациональных агентов. Получается, что коррупция – рациональный способ оптимизации издержек. Тогда поведение любого индивида вне зависимости от его функционала (политик, чиновник, бизнесмен, государственный служащий) не имеет принципиальных отличий, все они пытаются использовать имеющиеся ресурсные ограничения с наибольшей выгодой для себя, что отразилось в понятии «рентоориентированное поведение». В данном случае ресурс – имеющийся круг профессиональных обязанностей, который в условиях оптимизации позволяет получать дополнительную ренту. При этом цели рентополучателей вовсе не ограничиваются материальными траншами, включая в круг притязаний переизбрание на выборах, сохранение должности в административной иерархии, новые деловые возможности.

В любом варианте оппортунистическое поведение может быть разложено на составляющие издержек и выгод. В модели «принципал – агент» рентополучателем выступает агент, которому конкретный индивид доверяет по коммуникационному контракту (соглашению) выполнение своего поручения. Значительная часть отношений в социуме укладывается в описываемую модель. Например, отношения государства и общества могут быть представлены: принципал (гражданин) состоит в агентских отношениях с органами власти и их представителями. Принципал передает агенту (во всем многообразии реальных форм) в качестве ресурсов часть своих властных полномочий (голосование, выборность, предпочтения) и средства, аккумулируемые в виде налоговых отчислений в бюджеты всех уровней. Народ определяет своих агентов с помощью инструмента выборов, задавая в данном процессе конкретные цели в виде общественных проектов.

Привнесенный неоинституционализмом вывод в теорию контрактов – это тезис о специфичности ресурсов, которые выступают основным критерием классификации заключаемых договоров. Отмеченная особенность в форме специфичности определяет взаимную зависимость ресурсов в процессе обмена или использования. Различают три формы специфичности ресурсов:

а) ресурсы общего назначения: их ценность *не зависит от взаимодействия с другими ресурсами* в различных сферах использования (например, труд имеет

одинаковую ценность и для промышленности, и для сельского хозяйства, и для малых предприятий сферы услуг);

б) специфические ресурсы: их ценность *зависит от взаимодействия с другими ресурсами*; неоптимальное сочетание всего комплекса используемых ресурсов ведет к возможным потерям производственного потенциала их применения (например, конкретные отраслевые материалы, оборудование, человеческие навыки и т. п.);

в) интерспецифические ресурсы – это взаимодополняемые ресурсы, которые *не имеют ценности вне сочетания с другими определенными ресурсами* (например, знания, навыки и квалификация); разрыв отношений между собственниками интерспецифических ресурсов может обернуться для каждого из них крупными экономическими потерями [8].

Из перечисленного со всей очевидностью, на наш взгляд, вытекает то, что сквозным во всей этой классификации можно определить ресурс труда во всем многообразии его проявления и использования. Трактовка отмеченного фактора имеет характер дихотомии, поскольку позволяет вычленивать не только сам процесс исполнения профессиональных функций, но и параллельную цепочку непрерывных коммуникаций, имеющую как эндогенную, так и экзогенную направленность. Мы усматриваем здесь наличие дихотомии в том, что вовлечение ресурса труда есть объективный экономический процесс, тогда как появление возможности получить дискреционную прибыль в любом варианте перенаправляет потоки дохода. Вероятность получения дискреционной прибыли носит перераспределительный характер и возникает исключительно в условиях коммуникаций индивидов вне зависимости от их статуса по контракту – принципал или агент. На наш взгляд, именно такая дихотомия обеспечивает почву для возникновения оппортунистических коррупционных отношений. Получается, что только специфические ресурсы клонируют исследуемый тип отношений, который обуславливает и использование интерспецифических ресурсов.

Отметим, что контракт, контроль и любые иные *атрибуты отношений между принципалом и агентом имеют социальную форму* и далеко не во всех случаях оформляются на основе имеющихся институтов права. То есть регулирование отношений может осуществляться через взаимные поведенческие ожидания, традиции и тому подобные неформальные институты и нормы, сложившиеся в данном социуме. Следовательно, два индивида, находящиеся в агентских отношениях, совершенно необязательно осознают, что они находятся в этих отношениях, но вынужденно коммуницируют. Коммуницируют в данном контексте – вступают в заданные неформальными институтами оппортунистические модели взаимодействия.

В терминах принципал-агентской модели коррупция может быть определена как нарушение агентом заключенного с принципалом контракта (формального или неформального) и использование предоставленных ресурсов для решения целей, отличных от поставленных принципалом (наиболее часто в целях личного обогащения). С точки зрения такого подхода, конституционные правила любого государства есть

условия контракта. В целом демократический принцип устройства экономической и политической сфер как раз и предполагает заключение подобных контрактов.

Поскольку коррупционные явления, выступая как неформальные модели коммуникаций в социуме, создают дополнительные транзакционные издержки, то участники и третьи лица таких отношений стремятся их минимизировать. Для этого используются различные инструменты. В частности, среди множества антикоррупционных проектов государство берет за долговременный инструмент – антикоррупционные образовательные программы.

Одним из звеньев таких проектов является чтение разного рода антикоррупционных курсов. Со стороны государства наличествует стремление содействовать формированию модели неприятия коррупционных отношений. Так, в КемГУ введен в образовательные стандарты всех направлений курс «Коррупция: причины, следствие, противодействие». Он читается всем студентам вне зависимости от профиля обучения. На экономическом факультете указанная дисциплина внедрена в учебный процесс на 2 курсе для студентов направления «Менеджмент» и на 4 курсе для направления «Экономика». В соответствии с численным составом студентов было опрошено 29 человек 2 курса и 58 человек 4 курса. Мы поставили исследовательскую задачу – определить доступными средствами результативность учебной дисциплины в контексте общего восприятия студентами тематики предлагаемого курса. По нашему мнению, проведенный опрос дает нам возможность оценить уровень флуктуаций с обеих сторон. Последнее предположение изначально являлось для нас важным, поскольку мы базировались на равенстве вероятностных альтернатив эффективно-

сти и не эффективности. Со стороны общества, представленного конкретным социальным слоем – студентами, мы имеем возможность оценить возникающий позитивный отклик на предпринимаемые действия.

В предложенной к заполнению анкете содержалось 11 вопросов, которые охватывали как сферу восприятия читаемого курса, так и вероятностную сферу действия участников, связанную с обсуждаемой тематикой. Имели место 4 вопроса по организационно-содержательным характеристикам курса, далее следовали 4 вопроса, определяющие специфику поведенческого характера, и заключительные 3 вопроса носили оценочный характер по самому изучаемому явлению. В частности, мы интересовались, участвовали ли когда-либо респонденты в коррупционных сделках или, как вариант, допускают ли возможность подобных неформальных контрактов. Кроме того, дополнительные выводы позволяет сделать и то, что анкета проводилась на двух разных курсах – это второй и четвертый курсы бакалавров, обучающихся по разным направлениям на факультете. Третий блок вопросов носил резюмирующий характер и позволял ответить на вопрос относительно того, достигается ли воспитательная и образовательная цели в ходе изучения материала курса. Именно такими были вопросы, посвященные определению сферы распространения коррупционных сделок, а также вопрос о взаимосвязи института коррупции во всем многообразии форм проявления существующей экономической и политической модели системы.

Предпочтения в ответах респондентов распределены следующим образом. В представленной ниже таблице 1 мы выделили ответы, получившие наибольшее число как позитивного, так и негативного характера.

Таблица 1

Некоторые результаты проведенного опроса студентов (в %)*

№ п/п	Суммированные ответы на вопросы анкеты	2 курс (опрошено 29 человек)	4 курс (опрошено 58 человек)
1.	Рост масштабов данного явления	58,6	34,5
2.	Сфера наибольшего распространения – административный сектор	69	68
3.	Участвовали в коррупционных сделках	48,2	34,5
4.	Никогда не участвовали в коррупционных сделках	34,5	27,6
5.	Готовы участвовать в коррупционных сделках	55,1	15,5
6.	Субъективное определение уровня эффективности введения учебного курса в программу обучения	34,5	50
7.	Курс значительно расширил мои представления об исследуемом явлении	79,3	94,8

Примечание: *Опрос проводился в марте 2015 года.

Проведенный опрос показал, что (в терминах модели принципал – агент) интересы агента и принципала не тождественны. Противоправные, неформальные действия в форме коррупции – это процесс, когда агент действует, оставаясь в рамках отведенных принципалом управленческих возможностей. Принципал не способен поставить заслон коррупции по четырем причинам:

- а) отсутствие формальных стандартов, а соответственно и критериев их оценивания;
- б) наличие информационной асимметрии минимизирует эффективность контроля;
- в) коррупция агента отнюдь не обязательно означает блокирование целей принципала, они могут реализовываться одновременно. Более того, дорожка местом, приносящим рентный доход, агент оперативно и эффективно выполняет все распоряжения принципала;

г) принципал сам начинает активно поддерживать жизнеспособность неформальных институтов, действуя по образу и подобию агентского поведения, ибо такие действия приводят к экономии ресурсов самого принципала.

Эти выводы подтверждаются, на наш взгляд, результатами, представленными выше в таблице.

Анализируя полученные ответы, сделаем вывод по проведенному опросу. Студенты оценивают читаемый курс достаточно высоко, подавляющее большинство отмечает расширение собственных представлений о коррупции. Это характерно для обоих курсов, причем для старшего курса – в большей степени (позиции по 6 и 7 строкам в таблице). Изучать и анализировать коррупцию с экономическими инструментами анализа – эффективно и рационально. Самым распространенной сферой, подверженной растущему уровню коррупционных сделок, считается административный сектор (строка 2 в представленной выше таблице). Среди опрошенных есть значительное число готовых участвовать, а также имеющих опыт в коррупционных контрактах (третья строка в представленной таблице). То, что среди студентов второго курса таких потенциальных участников значительно больше, есть косвенный ответ на вопрос о распространении и нарастании анализируемого явления.

Проведенное среди студентов анкетирование и последующий анализ полученных результатов позволил сделать вывод о весьма поверхностном представлении будущих специалистов о коррупции. Подавляющее большинство (по обоим курсам) студентов в качестве повышения эффективности читаемой учебной дисциплины предлагали введение семинарских занятий. На уточняющий вопрос относительно формы и содержания такой формы работы чаще всего звучал ответ, который не может быть вписан в требуемые компетентностные стандарты образования. Например, предлагалось обсуждать конкретные фамилии должностных лиц, которые замечены в коррупционных преступлениях. Уточняющий вопрос по поводу возможного применения полученных сведений такого уровня сводился, как правило, к обыденной информированности относительно конкретных индивидов. Считаем, что такое восприятие говорит о том, что

заданная на уровне средств массовой информации очевидная публицистичность в ярко выраженном эмоциональном ключе имеет противоположное ожидаемому воздействие. Если применить известную матрицу из теории игр «дилемма заключенного», то мы видим здесь неоптимальный по Парето, но равновесный по Нэшу результат. Фактически моделью поведения в коррупционных сделках становится игра на определение издержек и выгод в системе «поймают/не поймают». Безусловно, риск будет оправдан в случае вероятности достаточной компенсации и практически отсутствия альтернативы в случае «поймают». Таким образом, студенты не оперируют понятиями специфичности и интерспецифичности ресурсов. И, соответственно, не видят искажений в процессе привлечения ресурса.

Учитывая сказанное, логичным выступает ответ на заключительный вопрос анкеты относительно уровня развития самой социально-экономической системы – носителя коррупционных моделей поведения, воспринимаемых обществом. Хотя подавляющее большинство студентов на обоих курсах ответили положительно на заданный вопрос, тем не менее, по нашему мнению, они не в полной мере осознают принципиальность определения базовой системообразующей причины. Также в ходе проведенного анализа мы подтвердили гипотезу о том, что коррупция служит институтом коммуникации в модели принципал-агент, поскольку создает возможности выбора действий для всех участников. Коррупция, таким образом, это неэффективность государственного управления, связанная с нарушением в системе отношений принципала и агента, особая модель коммуникаций, которая создает «недостающую» институциональную норму. Данный недостаток целесообразно считать эндогенным, поскольку он формируется в совершенно конкретных условиях. Отмеченные коммуникации находят свое проявление во взглядах и внешних формах поведения, в специфических приемах и способах передачи и обмена ресурсами и информацией. Функционирование и развитие коммуникативно-поведенческих особенностей институционально связано с процессом воспроизводства экономической системы.

Литература

1. Барсукова С. Ю. Коррупция: научные дебаты и российская реальность // *Общественные науки и современность*. 2008. № 5. С. 36 – 47.
2. Калужная А. Коррупция как стиль жизни в России // *Общественный антикоррупционный комитет*: сайт. 11.01.2008. Режим доступа: http://www.stopcorruption.ru/item_417.htm (дата обращения: 09.03.2015).
3. Латов Ю. В. Коррупция: причины, экономические последствия и влияния на развитие общества // *Следователь*. 2014. № 2. С. 38 – 41.
4. Нестеренко А. Экономика и институциональная теория / отв. ред. акад. Л. И. Абалкин. М.: Эдиториал УРСС. 2002.
5. Ореховский П. А. Планирование как форма административного рынка. Особенности инноваций в экономике России // *Лаборатория экономического анализа*. Режим доступа: <http://lab.obninsk.ru/public/articles.php?@htmlfile=orekhovsky-15.htm#2> (дата обращения: 09.03.2015).
6. Шаститко А. Неполные контракты: проблемы определения и моделирования: (экономическая теория контрактов) // *Вопросы экономики*. 2001. № 6. С. 80 – 99.
7. Шаститко А. Предметно-методологические особенности новой институциональной экономической теории // *Вопросы экономики*. 2003. № 1. С. 24 – 41.
8. Уильямсон О. Экономические институты капитализма: фирма, рынок и отношенческая контрактация / пер. с англ.; науч. ред. и вступ. ст. В. С. Катыкало. СПб.: Лениздат, 1996.

9. Эггертссон Т. Экономическое поведение и институты; пер. с англ. М. Я. Каждана; науч. ред. пер. А. Н. Нестеренко. М.: Акад. нар. х-ва при правительстве Рос. Федерации: Дело, 2001. 407 с. (Серия: Современная институционально-эволюционная теория).

10. Baxter L. A. Relationships as dialogues // Personal Relationships. Vol. 11. I. 1. P. 1 – 22, March, 2004. Режим доступа: <http://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/per.2004.11.issue-1/issuetoc> (дата обращения: 9.03.2015).

11. Sillars A. L., Vangelisti A. L. Communication: Basic properties and their relevance to relationship research // The Cambridge Handbook of Personal Relationships / Eds: Anita L. Vangelisti & Daniel Perlman. New York: Cambridge University Press, 2006. P. 331 – 351. (Online Publication Date: June 2012. Online ISBN:9780511606632). Режим доступа: <http://ebooks.cambridge.org/ebook.jsf?bid=CBO9780511606632> (дата обращения: 16.06.2015).

Информация об авторах:

Дятлова Наталья Константиновна – кандидат исторических наук, доцент кафедры экономической теории, налогообложения, предпринимательства и права КемГУ, dyatlovank@mail.ru.

Nataliya K. Dyatlova – Candidate of History, Assistant Professor at the Department of Economic Theory, Taxation, Business and Law, Kemerovo State University.

Цадер Янина Алексеевна – студентка 1 курса экономического факультета КемГУ, yanziks@mail.ru.

Yanina A. Tsader – student at the Faculty of Economics, Kemerovo State University.

(Научный руководитель – *Н. К. Дятлова*).

Статья поступила в редколлегию 24.04.2015 г.